DOI: 10.22455/978-5-9208-0610-9-507-525

М. В. Первушин

НЕСКОЛЬКО ВЗГЛЯДОВ НА ОДНУ ЖИЗНЬ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОБРАЗЫ КНЯЗЯ ВСЕВОЛОДА ПСКОВСКОГО

Аннотация: В статье рассматриваются отношение древнерусского автора летописи, агиографического произведения, гимнографической поэмы к князю Всеволоду Мстиславичу Новгородскому, к его роли в исторических событиях Новгорода и Пскова в свете общих событий Киевской Руси, связи с идеологическими и политическими потребностями Новгородского и Псковского удельных княжеств.

Ключевые слова: Великий Новгород, Псков, князь Всеволод-Гавриил, агиография, летописи, гимнография, святость, древнерусская литература.

M. V. Pervushin

SEVERAL VIEWS ON ONE LIFE: LITERARY IMAGES OF PRINCE VSEVOLOD OF PSKOV

Abstract: The article discusses the attitude of the author of the Old Russian Chronicles, hagiographic works, hymnographic poems by Prince Vsevolod Mstislavich of Novgorod, for his role in historical events of Novgorod and Pskov in light of the General events of the Kievan Rus, ideological and political needs, Novgorod and Pskov fiefdoms.

Keywords: Veliky Novgorod, Pskov, Prince Vsevolod-Gabriel, hagiography, chronicles, hymnography, holiness, Old Russian literature.

Святой Всеволод (в крещении Гавриил) — новгородский князь, внук святого Владимира Мономаха, сын святого Мстислава Великого. Краткая его биография такова: точная дата рождения князя Всеволода неизвестна, предположительная — 1095 г. Он занял новгородский княжеский стол в 1117 г. В 1136 г. Всеволод был лишен по воле вече власти и посажен с семьей в заключение на два месяца, а затем изгнан из новгородских пределов. Умер в 1138 г. в Пскове.

Те двадцать лет, которые Всеволод управлял Новгородской землей, заменив на этом месте своего отца, не были из ряда вон плохими или, наоборот, слишком блестящими. Всеволод не стал менять

отцовскую политику управления княжеством. Он продолжил ее буквально во всем, включая и строительство храмов (сохранились: церковь Георгия Победоносца в Юрьеве монастыре, церковь Иоанна Предтечи на Опоках и храм Успения Божией Матери на Торгу). Его военные кампании с участием новгородского войска велись с переменным успехом, что скорее сближало его со своими предшественниками на новгородском столе и со своими современниками собратьями-князьями других уделов. Но вот что точно отличало его от большинства предыдущих новгородских князей, так это то, что он был коренным новгородцем. Его жизнь для горожан была открытой книгой: на их глазах он родился, рос, воспитывался, обзавелся семьей… Это, вероятно, отчасти и послужило причиной его изгнания и дальнейшего забвения, так как «блажняхуся о нем <…> несть пророк без чести, токмо во отечествии своем и в дому своем» [1, с. 1520] — прописная истина!

Сегодня Всеволод является псковским святым, покровителем города, можно даже сказать, легендарным псковским князем. Интересный факт: Всеволод, отдавший все свои 40 с небольшим лет Святой Софии, отсутствует в соборе (пантеоне) новгородских святых. Со времени его смерти до формирования и первого празднования собора Новгородских святых (1831) прошло восемьсот лет. За это время можно было бы утрясти претензии, простить обиды, объяснить поступки и в конечном итоге принять князя Всеволода в качестве именно новгородского святого, но этого не произошло. Попробуем объяснить этот необычный факт, а для этого необходимо рассмотреть тот образ князя, который проступает на страницах древнерусских книжных памятников.

С именем Всеволода-Гавриила связан целый цикл произведений: в нашем распоряжении несколько летописных сводов XIV–XV вв., восходящих к более ранним редакциям, Жития князя XVI и XVII столетий, Сказание о перенесении мощей и Повесть о чудесах того же времени, а также служба ему середины — второй половины XVI в. Все источники — поздние.

В основу Жития (это отмечено уже В.О. Ключевским [5, с. 257–258]) легли летописные сведения, однако автор включил в него и много легендарного, но в поставленную задачу не входит определение степени соответствия литературного образа реальной исторической фигуре.

Представляется важным выявить другое: попытаться проследить на конкретном примере характер древнерусских литературных реминисценций в последующие за событиями века, увидеть изменения литературного образа князя, сложившегося на основе летописных текстов и устных преданий в творческом сознании книжника и их отражении в обществе.

1. Образ князя Всеволода по Новгородским летописям

Под 1117 г. мы встречаем в Новгородской первой летописи старшего извода, Синодальный список (он содержит наиболее древний по сравнению с другими новгородскими летописями текст, который почти без изменений лег в основу поздних летописных сводов [2]), первое упоминание Всеволода Мстиславича в качестве новгородского князя: «Иде Мьстислав Кыеву на стол из Новагорода марта в 17; а сын посади Новегороде Всеволода на столе» (здесь и ниже в тексте параграфа летописные цитаты приводятся по изданию [8, с. 20–25]). Но отношение к нему новгородцев было неоднозначное во все время его правления. Во время чтения летописи создается впечатление, что Всеволод либо сам не решался на самостоятельность в управлении княжеством, либо ему не доверяли, считая пусть и княжеским отпрыском, но лишь наместником, замещавшим настоящего князя — Мстислава. Так возникшее по некоторой причине недовольство новгородских бояр, упоминаемое в летописи, усмиряли лично его отец и дед, приведя всех вздорных бояр к Киеву. Закладку Юрьевского храма произвел «Кюрьякъ игумен» и только на втором месте упоминается князь Всеволод, также и военный поход — идет Всеволод, но с «новгородьци». Говорится о женитьбе князя, так летописец уточняет о каком князе идет речь — «сынъ Мьстиславль». Только через 8 лет, в 1125 году, когда умирает «Володимиръ великыи Кыеве <…> а сына его Мьстислава посадиша на столе отци <…> в то же лето посадиша на столе Всеволода новгородци». Таким образом, фактическим главой новгородского княжества, согласно тексту летописи, продолжал оставаться Мстислав, и только после занятия им Киевского стола новгородцам пришлось официально признать Всеволода своим князем.

Однако и затем правление Всеволода мало походит на правление самостоятельного князя. Он ходит за советом и не раз (sic!) в Киев лично к Мстиславу: «Ходи Всеволод к отцю Кыеву, и приде опять Новугороду на стол», или еще: «В то же лето ходи Кыеву к отцю». Хотя теперь, согласно летописи, Всеволод уже сам ставит церкви, идет в военные походы, но сообщается об этом с некоторыми повествовательными особенностями. Так, если и упоминается, что, например, князь «заложи церковь», так сразу же в противовес этому говорится о каком-нибудь знатном новгородце, сделавшем то же самое: «томь же лете и Рожнет заложи церковь». Вместе с тем, описывая различные городские благодеяния, совершенные новгородцами, автор упоминает князя Всеволода не в качестве их начинателя и исполнителя, а только в качестве их временнóго ориентира — при ком они были совершены — «при князи Всеволоде». Что касается военных кампаний, так в их описании все еще более прозрачно: если поход удачный, то «иде Всеволод с новгородьцы», если же поход неудачный, то «иде Всеволод <…> и сотворися пакость велика: много добрых муж избиша», «иде Всеволод на Суждаль ратью <…> и много ся зла створи». Здесь, вероятно, прочитывается желание показать, что якобы совместные (читай — удачные) походы были вызваны обоюдным желанием вече и князя, другие же только княжеским капризом. Таким же капризом выглядит в летописи незаконное и ничем не объясненное задержание митрополита киевского Михаила в Новгороде. Именно Всеволод «на Суждаль идуце, не пустиша его (митрополита), а он мълвляше <…> “не ходите, мене Бог послушает”», т. е. не только запер митрополита, но и не внял его благословению, пошел против воли.

Ставший после смерти Мстислава великим князем дядя Всеволода Ярополк призвал его в 1132 г. в Переяславль. Вот как описано это в летописи: «<…> ходи Всеволод в Русь Переяславлю, повелением Яропълцемъ». Летописец даже не говорит, что Всеволод был призван на другой удел, а лишь «ходи повелением». Но другие князья «Гюрги и Андреи <…> выгониста <Всеволода> ис Переславля. И приде опять Новугороду». Такое малодушие (согласно Новгородским летописям) не могло не отразиться на отношении к нему общества и самих новгородцев, и всех окрестных новгородских земель: «<…> и бысть въстань велика в людьх; и придоша пльсковици и ладожане Новугороду, и выгониша князя Всеволода из города (вместе, всем обществом! — *М.П.*);

и пакы съдумавъше, въспятиша». И даже здесь Всеволод вновь показан безвольным мягкотелым служкой: прогнали — ушел, остановили — вернулся.

В конечном итоге по совместному решению новгородцев, псковичей и ладожан князя Всеволода 28 мая 1136 г. все-таки лишили власти и заточили. Претензии, которые были предъявлены князю в качестве обвинений, еще более усиливают его совершенно определенный и отрицательный портрет: он не заботился о простых людях своего княжества; он ушел на княжение в Переславль, хотя обещал до смерти быть верным Новгороду; он бежал с поля битвы «переди всех», и из-за этого много пострадало воинов; он непоследовательно относился к южным князьям, то воюя с ними, то мирясь.

Древнерусский летописец и дальше продолжает «писать» князя Всеволода таким же мягкотелым и слабохарактерным. Его сторонники, которые, безусловно, у него были среди новгородско-псковского общества — «милостьници Всеволожи», называет их летописец, — и которые даже попытались устроить покушение на жизнь следующего новгородского князя, но, к счастью, неудачное — вновь уговаривают Всеволода, находящегося в то время уже в Вышгороде, идти на княжение в Новгород: «Поиди, княже, хотять тебе опять». Всеволод и на этот раз подчиняется их уговорам, но процессия возвращается не напрямую в Новгород, а сначала в подчиненный ему Псков, где собралось большинство поддерживающих его бояр. Противники Всеволода, оставшиеся в Новгороде негодовали, — «не въсхотеша людье Всеволода», — разграбили и перебили в Новгороде всех его сторонников, кто не успел сбежать, собрали войско с курянами и половцами, чтоб прогнать Всеволода из Пскова, однако «непокоришася пльсковици им, ни выгнаша князя от себе». Самое интересное, что Всеволод никак не задействован в описании этого спора сторонников и противников князя, он словно ни при чем, он вне конфликта, он никак даже не упомянут. Некоторые исследователи, увлекшись фактами, видят то, чего и нет в тексте памятника, утверждая, например, что «мотивировка действий, предпринятых Всеволодом Мстиславичем, очевидна: возвратить себе княжеский стол в Новгороде» [6, с. 124–125] — ни о каких действиях князя речи в летописи нет и в помине. А вот новый новгородский князь Святослав Ольгович, в отличие от Всеволода, вполне живой и мотивированный, и даже проявляет некоторую человечность. Так, на

пути в Псков он, «съдумавъше <…> и рекъше: не проливаиме кръви съ своею братьею, негли Бог управить своимь промысломь». После этих пророческих слов (можно даже отметить — подозрительно пророческих слов) летописец указал: «Тъгда же преставися князь Всеволод Мьстиславиць Пльскове» (о том, что случилось с ним, история умалчивает, может, отравили, подослав недоброжелателя, или «заклан бысть» аки агнц безропотен, вспоминая его предков — Бориса и Глеба; некоторые считают, что «он скончался от проблем со здоровьем», одним словом, этот вопрос остается открытым). Таким образом, Всеволод находился в Пскове не более полугода, а вероятно, и того меньше.

Конечно, нарисованный новгородским летописцем портрет Всеволода-Гавриила хотя по времени его написания максимально приближен к жизни реального князя («текст <…> был, скорее всего, написан современником событий в Новгороде по горячим следам» [6, с. 125]), но он также максимально предвзят, учитывая интересы автора и заказчика.

2. Образ князя Всеволода по Никоновской летописи

Никоновский летописец только сгущает отрицательные краски Новгородских книжников на портрете князя Всеволода, что не удивительно, даже несмотря на датировку этой летописи — XVI в. (казалось бы, век написания жития и прославления князя). По некоторым наблюдениям московские книжники не очень-то примечали местночтимых святых княжеского (читай — сепаратистского) достоинства [10], особенно псковских, после 1510 г., когда Псковские земли были присоединены к Московскому княжеству.

Никоновский свод добавляет в рассказ о времени правления Всеволода упоминания о церковных нестроениях, тогда произошедших, ответственность за которые ложится в первую очередь на князя: это 1) смена новгородских епископов, причем через смуту, когда один (Иоанн) вынужденно, после двадцати лет управления, оставил кафедру, и на нее был избран другой (Нифонт); это 2) церковный запрет, когда митрополит Киевский наложил прещение на весь Новгород, и пришлось писать челобитную с покаянием от имени всех горожан.

В Никоновской летописи еще более отчетливо проступает несамостоятельность Всеволода — по дополнительным событиям в ней помещенным. Например, в 1131 г. его отец, уже будучи великим князем, сам, причем победно, ходил с новгородцами на Литву и «возвратися в своа с радостию великою» (здесь и ниже в тексте параграфа летописные цитаты приводятся по: [7, с. 154–161]). В повествовании об этом князь Всеволод вообще никак не упоминается. Его словно нет! В дальнейших событиях Всеволод такой же безропотный и так же зависим от своего дяди Ярополка, который дал ему Переяславль, затем послал опять в Новгород. Вскрываются и некоторые подробности этого. Так Всеволод был не способен защитить новый выделенный ему удел и своих людей в нем, так как «по заутрене в неделю вниде в Переаславль и седе в нем; и того дни до обеда прииде на него другый дядя его и согнаша его <…> и много убийства сътвориша». Таким образом, правил он в Переславле лишь полдня, был изгнан, да еще потерял людей! Вместе с тем Никоновская летопись подтверждает Новгородскую в отрывке о новгородско-суздальской битве в том, что сам Всеволод решил воевать с суздальцами, только никоновский летописец уточняет — по научению злых людей. После поражения, уже вернувшись домой, Всеволод «умысли бежати в немци», но только новгородцы «понмаша его и посадиша за сторожи». К уже названным ви́нам князя, никоновский летописец добавляет следующие: «Почто въсхотеити на Суждалци и Ростовци; и почто възлюби играти и утешатися, а людей не управляти; и почто ястребов и собак собра, а людей не судяше и не управляаше <...> и другие многи вины събраша на ня» (кроме повествования в летописи, см. также [4, с. 112; 14, с. 173]).

Этот «никоновский» портрет Всеволода, пожалуй, самый мрачный даже среди недолюбливавших Всеволода авторов Новгородских летописей.

3. Образ князя Всеволода по Псковским летописям

Князю Всеволоду в Псковских летописях отводится крайне мало места, а потому и портрет получается скудный, в виде наброска, но не отрицательный, а нейтрально-положительный (здесь и ниже в тек-

сте параграфа летописные цитаты приводятся по изданию Псковской Первой летописи [11, с. 9–10] и Псковских Второй и Третьей летописей [12, с. 19, 76–77]).

Первое его упоминание под 6643/1135 г. (только!), когда он вместе с владыкой Нифонтом заложил церковь. Затем говорится, что Всеволод «ходил к Суздалю», но именно с новгородцами, с кем «и возвратишася посрамлени», словно они вместе явились инициаторами похода, в противовес новгородским летописям и никоновскому своду. Следующая зарисовка уже посвящена изгнанию Всеволода из Новгорода, причем она подчеркнуто осуждает горожан, которые «выгнаша <…> князя своего», и затем «отложишася», а вот псковичи, узнав об этом злодеянии, «приидоша <…> и позваша Всеволода княжити к собе <…> и проводиша <…> до Плескова». Примечательно, что все три псковские летописи (но особенно Псковская Вторая) как бы подчеркивают, что выбор пал именно на Всеволода не только потому, что он был изгнан из Новгорода (каковым фактом псковская община, несомненно, противопоставляла себя новгородской), но и потому, что этот князь был достоин такой чести. Летописца не смущает недавнее «посрамление» Всеволода в битве с суздальцами. Для него он — князь, которого провожает сам Ярополк Киевский, которого «съ честию» по пути встречает Василько Полоцкий. Эта подробность, отсутствующая в Новгородских летописях, добавляет некоторые положительные черты в образ Всеволода. По пути в Псков он встречается с полоцким князем Василием. Василий сам «выеха к нему, и проводи его с честию». Отец Всеволода многие беды сотворил полоцким князьям, потому Василий, как отмечает летописец, поступил смело «шедшу ему в руце его к нему, ничтоже о нем лукавно помысли» и не прогадал, Всеволод не тронул его, не помянул наставлений отчих, с любовью встретился с ним. Они заключили мир, целовали крест «на всей правде и тако добре». В некоторых списках встречается еще подробность единодушного приема Всеволода в Пскове: «<…> священноиноки и священники и все множество народа сретоша его честно с кресты, и многолетьствоваше, посадиша его на столе». Далее следует сообщение о смерти князя «тоя же зимы» и его погребении «в церкви Святыя Троица (святого мученика Дмитрия, по Псковской Третьей летописи. — *М.П.*), юже бе сам создал».

В целом же всё, что сказано в псковских летописях, скорее обращено не на выгораживание памяти Всеволода, не на отбеливание его имени, якобы запятнанного новгородцами, а на осуждение самих новгородцев, которые прогнали от себя князя. В Псковских Первой и Третьей летописях сказано, что псковичи «новгородцы отложишася». Под этим подразумевается прекращение прежнего второстепенного положения псковской общины по сравнению с новгородской и в то же время объявляется о начале обособленного существования Пскова в качестве суверенного города-государства.

Таким образом, саму личность князя Всеволода в псковских летописях можно охарактеризовать так: князь, страдающий от несправедливости новгородцев и непонятый ими, в целом же добр, отзывчив на преданность ему других, честен с ними, в целом склонен доверять людям, благочестив, так как строил активно храмы так же, как и его отец.

4. Образ князя Всеволода в его Житии, написанном псковским агиографом Василием-Варлаамом

Кратко скажу, что существуют несколько текстов жития: непосредственно редакция Василия, более краткая Проложная редакция и есть еще Сокращенная Проложная редакция, т. е. самая краткая. Все они так или иначе коррелируют друг с другом и имеют относительно небольшие различия (подробнее см.: [9, с. 9–350]). Будем опираться в своих наблюдениях только на полное житие, которое во всех красках описывает портрет своего героя.

Василий с первых строк определяет образ жизни блаженного Всеволода как богоподобный или христоподражательный. И первое, на чем заостряется внимание читателя в Житии, так это на происхождении князя Всеволода от равноапостольного Владимира через Ярослава, его сына Всеволода, затем Владимира Мономаха и Мстислава, показывая, что именно это должно многое объяснить в образе жизни и правлении князя, в его решениях и поступках.

Князь Всеволод начал править в Новгороде с благословения своего деда Владимира Мономаха так, как подобает православным князьям — богобоязненно, правдиво, милостиво, тихо и кротко, имея

любовь ко всем. Если «испроста рещи, — пишет Василий, — всем всяк бяше, по апостолу». Особая любовь проявлялась у Всеволода к священническому и монашескому чину. Князь не жалел милостыни, заботился о сиротах, вдовицах, утешал и помогал немощным «яко чадолюбивый отец» (здесь и ниже в тексте параграфа цитаты из Жития приводятся по изданию В.И. Охотниковой [9, с. 74–81]). Василий, противореча летописным известиям, указывает, что Всеволод перешел на княжение в Переславль еще до смерти своего отца и «тамо пребываше святый». Этой последовательностью Василий, во-первых, хотел указать на абсолютную легитимность перехода Всеволода из Новгорода в Переславль. Сам Мстислав поставил вместо себя сына в Новгороде, сам его и перевел на другой стол. Во-вторых, Всеволод в этой ситуации проявил себя не как властолюбивый, карьерный правитель (переславльский удел был стартовой площадкой к великокняжескому киевскому столу), который просматривается в новгородской летописи, а как смиренный и законопослушный сын. Несмотря на все его клятвы новгородцам, он подчиняется великому князю и отцу. Все эти доводы подкреплены Василием следующей фразой, безусловно, убеждающей читателя в законности происходящего: «Якоже Господу годе бысть». И в-третьих, по мнению В.И. Охотниковой [9, с. 44], притязания князя Юрия Долгорукого должны были выглядеть в картине Василия еще более необоснованными. Всеволод в этой непростой ситуации конфликта с Юрием «велием терпением преодолеваше себе <…> заповедь учителя своего Христа исполняюще», как пишет Василий. Князь не противится притязаниям своего дяди, не желает проливать кровь, «на Бога все упование полагаше <…> ничто же зла сотвори». Удавшаяся попытка Всеволода разрешить конфликт без кровопролития — пример княжеского смирения и даже самопожертвования. В этом эпизоде Василий приводит и евангельские цитаты, и аллюзии, и сравнения из Священного Писания. Так, например, Всеволод сравнивается с Авраамом, который по воле Божией оставил свою землю.

Придя обратно в Новгород, Всеволод не встречает сопротивления, никто не гонит его, а все мирно принимают, и «тамо живяше и добре правя жизнь свою, и праведно судя, милость и благоутробие ко всем имея». Всеволод строит церкви, украшает их росписями, утварью, иконами и даже пением. Строит сам, строит и с владыкой Ни-

фонтом. У Василия нет даже намека на недовольство новгородцев и намерение изгнать князя из Новгорода (отметим, что современная исследовательница В.И. Охотникова предполагает в данном случае, что Василий, видимо, приводил факты, списывая их с некоего летописного источника, ныне нам неизвестного, однако убедительного доказательства гипотезы существования неизвестного памятника она не приводит [9, с. 45]).

Говоря о походе князя на Суздаль, Василий указывает, что Всеволод не был его инициатором, в его словах звучит некоторая неизбежная необходимость: «<…> шедшу блаженному с мужи новгородци», которые «хотяху взяти грады те и под свою область привести». Поражение новгородцев целиком зависело от Божьего промысла. Василий трижды указывает на это: «*Поможе Бог* суздалцем с ростовци, новгородстии же полцы побежени быша *силою Божиею*, тако *Богу изволившу*». Никакой князь, будь он самый талантливый воин и гениальный стратег не смог бы одолеть суздальцев, потому дальнейшие события осуждения и изгнания князя воспринимаются в Житии как ропот и осуждение самого Бога, даже больше — восстание на Бога!

Всеволод назван в эпизоде бегства «великим», что не только снимает с него подозрения в трусости и низости (вспомните новгородскую летопись, которая утверждала, что из-за побега князя многие погибли), но придает ему некоторое благородство спасителя оставшихся в живых своих людей, так как бежит он с «оставшими воиньствы». На фоне величия Всеволода новгородцы выглядят совсем неприглядно. Они по прибытии князя в Новгород сразу же сажают его под стражу. Осуждение Всеволода в жизни в его Житии оборачивается осуждением новгородцев. Василий тщательно подбирает слова: если «совет», то «умыслиша», а не «собра», к тому же совет «неблагодарьствен»; если обвинения, то «укоризны», а не «вины». Новгородцы обвиняют князя только в одном, даже не в поражении от «суздалец и ростовець», а в отсутствии помощи от Всеволода для победы в битве: «<…> несть от тебе поможениа». Это еще раз доказывает отсутствие инициативы в походе у Всеволода и наличие ее у новгородцев. Более того, идея с осуждением новгородцами Бога явно понравилась Василию, и он, дабы еще больше оттенить положительные черты личности Всеволода и отрицательные его противников, сравнивает князя с Самим Христом. И во время суда над Всеволодом происходит восстание

против Господа — «лукавого сонмища на Христа» — новгородцев на Всеволода! «Как и в описании изгнания Всеволода из Переяславля, в этом эпизоде решения, слова и поступки князя сопровождаются примерами и цитатами из Священного Писания. Введение библейских параллелей продиктовано стремлением Василия объяснить происшедшее с иных, нежели в летописях, позиций, подчеркнуть не политический, но христианский аспект в поступках. Сам стиль повествования выделяет эти два эпизода в Житии и делает их центральными в изображении деятельности Всеволода, определяя идеал князя, который Василий воплощает в его Житии» [9, с. 46].

В дальнейшей риторике Василия Новгород становится Содомом, а Всеволод не изгоняется новгородцами, а уходит сам, как праведный Лот. Ярким контрастом с таким Новгородом далее по тексту выглядит Псков, «якоже горний Иерусалим», куда идет из Вышгорода княжить Всеволод спустя некоторое время и по приглашению исключительно псковичей.

Василий не упоминает в Житии о других (кроме суздальской) военных кампаниях Всеволода. Не касается он и создания Всеволодом «Устава о церковных судах, людях и мерилах церковных» и Уставной грамоты (так называемого «Рукописания»), о существовании которых он не мог не знать, ибо оба произведения, приписываемые Всеволоду, известны в псковских списках XVI в. (сегодня большинство современных исследователей датируют устав более поздним временем, см., например, библиографию этого вопроса у Б.Н. Флори [15, с. 10]; вместе с тем С.В. Юшков, с учетом редакции конца XIII в., полагал возможным составление устава в 1130–1136 гг. [16, с. 216–221], а Б.А. Рыбаков считал устав созданным в начале 1136 г. [13, с. 636–637]). На все летописные события агиограф смотрит через призму христианства, объясняя их с нужных ему позиций, и это позволяет ему, в целом практически не меняя хода событий (но и не стремясь к их исторической полноте и точности), изменять само их семантическое наполнение.

В Житии Василия показан князь-страстотерпец, смиренный воин Христов, терпящий кротко, со смирением от врага рода человеческого (а все, кто шел против Всеволода были «наущаеми дьяволом») несправедливости, обиды и гонения. Сам же Всеволод, во всем подражая «заповеди Христа своего», предстает достойно выдержавшим ниспосланные ему испытания, претерпевшим до конца, а потому и достойным святости.

5. Образ князя Всеволода в Степенно́й книге

Образ Всеволода в Степенной книге повторяет его изображение в Житии, с одним только исключением — в Степенной книге у Всеволода отсутствует ореол страдальца и изгнанника [9, с. 125]. Автор книги опускает многие библейские цитаты и аллюзии, присутствующие у Василия в Житии, добавляет упоминания о других военных походах и смягчает портреты недругов Всеволода — князей Юрия и Андрея. Перестановки, сделанные автором жизнеописания Всеволода в Степенной книге, упорядочивают повествование, делают его более последовательным и логичным [9, с. 131]. У него Всеволод благочестив, любвеобилен и деятелен. Он превращается в настоящего «богобоязнивого» князя, «чадолюбивого отца», который «трудолюбно служаше» своим детям-новгородцам, а затем и псковичам.

6. Образ князя Всеволода в Житии авторства Григория (XVII в.)

В этом Житии образ князя Всеволода, пожалуй, максимально реалистичный и наиболее полный. Григорий, например, не отрицает факта участия Всеволода в походе на Суздаль и Ростов, но указывает, что новгородцы Всеволода «поемше» (здесь и ниже в тексте параграфа цитаты из Жития Григория приводятся по изданию В.И. Охотниковой [9, с. 172–188]), т. е. участие князя в походе было принудительным, не по своей воле. Этому походу Всеволод всячески противился, чем и вызывал гнев новгородцев. Кроме того, Григорий не умалчивает о неприятных для Всеволода фактах изгнания (именно изгнания, а не ухода) из Переяславля и дважды из Новгорода. Он говорит и о резких оценках новгородцами князя, суда над ним и его «винах». И если в летописных текстах обвинения новгородцев князю кажутся порой справедливыми, то в редакции Григория, прокомментированные автором, они звучат как «самовольные» претензии.

Впечатление глубокой несправедливости новгородцев по отношению к своему князю вызывает подробное упоминание Григорием законотворческой деятельности Всеволода во всех основных сферах тогдашней жизни Новгородской земли: политической, социальной,

торговой и церковной. Григорий единственный, кто содержательно упомянул об «Уставе» и «Рукописании» Всеволода, чем выделил его особо среди прочих князей его современников. Всеволод выписан мудрым, справедливым правителем, стремящимся разумно и «по преданию» править Новгородом, подражая во всем своим «прародителям», великому князю Владимиру и великой княгине Ольге, «сеяше доброе семя, строяше Божия церкви», «уставив и узаконив писанием» общественные отношения. Это только положительно дополняет портрет князя в Степенной книге. Агиограф раскрывает «праведную» власть князя и не включает в свой текст фразу о посте и молитве, которая имеется у Василия. У Григория Всеволод — праведный князь, «благоутишный властелин», «законоположитель», строитель и военачальник.

7. Образ князя Всеволода в Службе ему (авторство Никодима)

Только очами сердца можно лицезреть портрет Всеволода, выписанный его гимнографами (здесь и ниже в тексте параграфа цитаты из Жития Григория приводятся по изданию В.И. Охотниковой [9, с. 311–318]). Пред телесными очами читателя князь является как бесконечный свет, чистое сияние, солнце незаходимое, праведное и великое, лучи пресветлые и сияющие, и даже — паче солнца светильник всемирный, сосуд светящийся, распростертое блистание лучей, озаряющих сердца, звезда русская многосветлая, которая чудесным блистанием своим всю вселенную просвещает, а мглу древнего помрачения отгоняет. Он, просветившись Божественной благодатью, показал нам светлость жития своего, явлением своим просветил все страны и все стороны света к свету привел.

После столь метафоричного гимна Всеволоду, заполнившего светом каждую строку этого произведения, черты обычного человеческого образа Всеволода проступают неявно, безличностно, силуэтно, общо. Видимо, гимнограф и не ставил такой цели — правдоподобно осветить личность князя, его земную, реальную жизнь. Причем нет даже намека на эту жизнь. Можно отметить лишь общие, топосные штрихи, которые подойдут каждому святому, будь то преподобный, святитель, мученик или праведный. Так, гимнограф начинает с «измлада», уже тогда князь Всеволод явился избранным сосудом Бо-

жиим, тогда же он «Христа възлюби» и «Божественым желанием раж-жегся», «отнюду же чюдесными даровании обогатися» и «милостию». С юности князь возложил упование свое на Господа, научившись «в молитвах и в посте» смирять себя, причем в подвиге молитвы отличался доблестью и мужеством, а в посте исправлял свою жизнь, как прехрабрый воин Христов, томил врага и победил его. Ум имел чист, в сердце своем соблюдал веру, в жизни цвел добродетелями, хранил Господни заповеди, оставил все земное Христа ради и тем явил Богу благой плод — «благоверно пожив в мире житием чистым». Потому он и именуется как апостол — начальник благочестия, верных правитель, проповедник веры, отец всех обездоленных и несчастных (сирот, вдовиц, нищих, бедных). Смерть его была честной, более того его успением — мир ожил, а он сам сподобился славы Христа. Это, пожалуй, единственное, что роднит богослужебный текст с Житием Всеволода, где он, правда, еще при жизни, уподоблялся Христу.

* * *

Цикл произведений о Всеволоде-Гаврииле уникален и крайне важен для понимания механизма формирования представлений средневекового общества о символах власти.

Наблюдаемые различия в репрезентации образа одного и того же человека отражают глубинные несходства в риторической трактовке символа Пскова и представлений о нем Новгорода. Принципиальное различие состоит в том, что личности биографичны, а символы мифологичны и изначально не отягощены почти никаким биографическим нарративом [3]. Всеволод нужен был псковичам для провозглашения независимости от Новгорода [17, с. 8, 11–12]. (Боюсь предположить, но как бы кто-то из псковичей не отравил князя только для того, чтоб он остался у них в городе навсегда и не смог уйти с новгородцами.) Именно призвание князя позволило псковской общине реализовать свои притязания на собственный суверенитет, на собственную государственность. Более того, изгнанный новгородцами князь становится *первым* псковским святым. Вероятно, что почитание Всеволода как псковского святого начинается чуть ли не сразу, а уже в конце XII в. (1192), устанавливается в Пскове праздник Обретения и перенесения мощей Всеволода 27 ноября (в этот же день в Новгороде совершается чествование одной из самых почитаемых новгородских святынь —

иконы Богородицы Знамение). Празднование памяти опального новгородского князя в один день с одной из самых почитаемых новгородских святынь можно рассматривать не только как свидетельство противостояния Пскова «старшему брату» [9, с. 12–13], но и как желание исключить *свой* псковский праздник из сакрального богослужебно-литургического пространства Новгорода, как когда-то новгородцы исключили самого князя из пространства своей законной власти. Почитание князя псковичами стало своеобразной оппозицией по отношению к Новгороду.

Всеволод, таким образом, стал символом псковской государственности, а «символы строятся на подвиге — мифологическом действе, к которому прикрепляется факультативный биографический нарратив» [3]. Для Новгорода Всеволод остался историческим героем (или героем исторического повествования), а вот биографический нарратив исторических героев устойчив и неподатлив. В составе их личности слишком много констант.

Символ же может быть сформирован и на личностном материале, и чем меньше у этого материала биографического нарратива, тем вероятнее формирования на его основании символа. Так получилось и с князем Всеволодом в Пскове, его биографию довели там до мифологического стандарта, превратив личность в символ. Исторические детали больше не были нужны Всеволоду, и свидетельством тому его гимнография, которая окончательно избавляет от них князя, превращая его в чистый свет. История, таким образом, становится предметом творчества филолога, а податливая природа символа при этом (по существу, лишенного биографического нарратива) идеально в этот процесс вписывается.

Таким образом, попытка превратить исторического героя в исторический символ за счет исчезновения биографии удалась в Пскове, но не была осуществлена в Новгороде. В.М. Живов назвал этот процесс превращения дискурсивным насилием [3] над историческими героями (и даже грубее), поставив справедливый вопрос: «Насколько успешно и долго исторические герои могут сопротивляться этому дискурсивному насилию»? Согласно проведенному исследованию — в течение, как минимум, восьми столетий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Брюссель: Жизнь с Богом, 1983. 2535 с.

2 *Валеров А.В.* Новгород и Псков. Очерки политической истории северо-западной Руси XI–XIV веков. СПб.: Алетейя, 2004. 313 с. URL: http://www.a-nevsky.ru/library/novgorod-i-pskov-ocherki-politicheskoy-istorii-severo-zapadnoy-rusi-xi-xiv-vekov5.html (дата обращения: 05.09.2019).

3 *Живов В.М.* Иван Сусанин и Петр Великий: о константах и переменных в составе исторических персонажей // Новое литературное обозрение. 1999. № 38 (4). С. 51–65. URL: http://www.zh-zal.ru/nlo/1999/38 (дата обращения: 05.09.2019).

4 *Карамзин Н.М.* История Государства Российского: в 12 т. М.: Наука, 1991. Т. II–III / под ред. А.М. Сахарова. 832 с.

5 *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Наука, 1988 (репринт: М.,1871). 512 с.

6 *Круглова Т.В.* Всеволод Мстиславич и проблема княжеского стола в Пскове // Псков в российской и европейской истории: Международная научная конференция: в 2 т. М.: Моск. гос. ун-т печати, 2003. Т. 1. 403 с.

7 Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // ПСРЛ. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. Т. 9. 256 с.

8 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 642 с.

9 *Охотникова В.И.* Псковская агиография XIV–XVII вв.: Исследования и тексты: в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. Т. 1: Жития князей Всеволода-Гавриила и Тимофея-Довмонта. 576 с.

10 *Первушин М.В.* Образ Довмонта-Тимофея в цикле произведений о псковском князе // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 135–144.

11 Псковские летописи // ПСРЛ. М.: Языки славянской культуры, 2003. Т. 5. Вып. 1. 146 с.

12 Псковские летописи // ПСРЛ. М.: Языки славянской культуры, 2000. Т. 5. Вып. 2. 363 с.

13 *Рыбаков Б.А.* Новгород Великий // История СССР с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1966. Т. 1. 719 с.

14 *Татищев В.Н.* История Российская. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. Т. 2. 568 с.

15 *Флоря Б.Н.* К изучению церковного устава Всеволода // Россия в средние века и новое время. Сборник статей к 70-летию Л.В. Милова. М.: РОССПЭН, 1999. С. 83–96.

16 *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М.: Гос. изд-во юридич. лит., 1949. 546 с.

17 *Янин В.Л.* «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII–XIV веках // Отечественная история. 1992. № 6. С. 3–14.

REFERENCES

1 *Bibliia: Knigi sviashchennogo pisaniia Vetkhogo i Novogo zaveta. Briussel': Zhizn' s Bogom* [The Bible: the Scriptures Of the old and New Testaments. Brussels: life with God]. 1983. 2535 p. (In Russian)

2 Valerov A.V. *Novgorod i Pskov. Ocherki politicheskoi istorii severo-zapadnoi Rusi XI–XIV vekov* [Novgorod and Pskov. Essays on the political history of the North Russia of 11th — 14th centuries]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2004. 313 p. Available at: //www.a-nevsky.ru/library/novgorod-i-pskov-ocherki-politicheskoy-istorii-severo-zapadnoy-rusi-xi-xiv-vekov5.html (Accessed 05 September 2019). (In Russain)

3 Zhivov V.M. Ivan Susanin i Petr Velikii: o konstantakh i peremennykh v sostave istoricheskikh personazhei [Ivan Susanin and Peter the Great: on constants and variables in the composition of historical characters]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1999, no 38 (4), pp. 51–65. Available at: http://www.zh-zal.ru/nlo/1999/38 (Accessed 05 September 2019). (In Russian)

4 Karamzin N.M. *Istoriia Gosudarstva Rossiiskogo: v 12 t.* [History of the Russian State: in 12 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1991. Vol. II–III, ed. by A.M. Sakharov. 832 p. (In Russian)

5 Kliuchevskii V.O. *Drevnerusskie zhitiia sviatykh kak istoricheskii istochnik* [Old Russian lives of saints as a historical source]. Moscow, Nauka Publ., 1988 (reprint: Moscow, 1871). 512 p. (In Russian)

6 Kruglova T.V. Vsevolod Mstislavich i problema kniazheskogo stola v Pskove [Vsevolod Mstislavich and the problem of the princely table in Pskov]. *Pskov v rossiiskoi i evropeiskoi istorii: Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia: v 2 t.* [Pskov in Russian and European history: international scientific conference: in 2 vols.]. Moscow, Mosk. gos. un-t pechati Publ., 2003. Vol. 1. 403 p. (In Russian)

7 Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoiu letopis'iu [The Chronicle collection of the Patriarch's or Nikon chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. St. Petersburg, Tipografiia Eduarda Pratsa Publ., 1862. Vol. 9. 256 p. (In Russian)

8 *Novgorodskaia pervaia letopis' starshego i mladshego izvodov* [The First Novgorod chronicle of Senior and Junior manuscript texts]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1950. 642 p. (In Russian)

9 Okhotnikova V. I. *Pskovskaia agiografiia XIV–XVII vv.: Issledovaniia i teksty: v 2 t.* [Pskov hagiography of 14th–17th centuries: Studies and texts: in 2 vols.]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ, 2007. Vol. 1: Zhitiia kniazei Vsevoloda-Gavriila i Timofeia-Dovmonta. 576 p. (In Russian)

10 Pervushin M.V. Obraz Dovmonta-Timofeia v tsikle proizvedenii o pskovskom kniaze [The Image of Dovmont-Timothy in the cycle of works about the Pskov Prince]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 49, pp. 135–144. (In Russian)

11 Pskovskie letopisi [Pskov chronicle] *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2003. Vol. 5, issue 1. 146 p. (In Russian)

12 Pskovskie letopisi [Pskov chronic] *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2000. Vol. 5, issue 2. 363 p. (In Russian)
13 Rybakov B.A. Novgorod Velikii [Novgorod the Great]. *Istoriia SSSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [History of the USSR from old times to the present day]. Moscow, Nauka Publ., 1966. Vol. 1. 719 p. (In Russian)
14 Tatishchev V.N. *Istoriia Rossiiskaia* [The History of Russia]. Moscow, OOO Izdatel'stvo AST Publ., 2003. Vol. 2. 568 p. (In Russian)
15 Floria B.N. K izucheniiu tserkovnogo ustava Vsevoloda [To the study of the Church Charter of Vsevolod]. *Rossiia v srednie veka i novoe vremia. Sbornik statei k 70-letiiu L.V. Milova* [Russia in the middle ages and modern times. Collection of articles for the 70th anniversary of L.V. Milov]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999, pp. 83–96. (In Russian)
16 Iushkov S.V. *Obshchestvenno-politicheskii stroi i pravo Kievskogo gosudarstva* [Socio-political system and law of the Kiev state]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo iuridicheskoi literatury Publ., 1949. 546 p. (In Russian)
17 Ianin V.L. "Bolotovskii" dogovor o vzaimootnosheniiakh Novgoroda i Pskova v XII–XIV vekakh [Bolotovsky Treaty on relations between Novgorod and Pskov in the 12th–14th centuries]. *Otechestvennaia istoriia*, 1992, no 6, pp. 3–14. (In Russian)

Об авторе / About author

Михаил Викторович Первушин — кандидат филологических наук, кандидат богословия, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: 1609pm@gmail.com

Mikhail V. Pervushin — PhD in Philology and Theology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: 1609pm@gmail.com